

Константин Писцов

Летучая рыба –
прорисовка
с подлинного халата
эпохи Мин.

«Неведома зверушка» с роскошного халата

С древнейших времён человеческая фантазия стремилась «населить» далёкие и близкие пространства множеством удивительных и чудесных существ. Кентавры и кинокефалы, василиски и единороги – вот лишь несколько образов из античных мифов и рассказов средневековых путешественников, которые попали в манускрипты, укоренились в сознании современников и благополучно дожили до наших дней благодаря многочисленным миниатюрам, рельефам, фрескам и вышивкам.

Китайцы в этом отношении мало чем отличались от других народов. И изучение фантастических зверей остаётся актуальной темой для исследователей китайской культуры. Дело в том, что реальные и мифические животные в сознании древнего и средневекового человека – не просто часть окружающей действительности. Их образы складываются в целую систему символов. Появление некоего причудливого или просто нетипично себя ведущего создания природы на страницах исторического труда или, к примеру, на картине носит, как правило, знаковый характер, содержит дополнительную информацию для интерпретации всего произведения или его фрагмента.

Комментаторы могут предлагать различные трактовки фразы «поймали единорога» из летописи «Чунь цю», авторство которой традиция приписывает Конфуцию, но мало кто решится всерьёз утверждать, что мудрец просто решил отметить любопытный природный феномен. Дракон, парящий над домом, почти наверняка предвещает рождение в нём выдающегося государя. А обычная, на первый взгляд, лиса, неведомо как оказавшаяся во дворце и вскочившая на императорское ложе, – верный знак скорого упадка династии.

Сравнивая изображения дракона разных эпох, поражаешься разнообразию трактовок этого образа на много-

Константин Михайлович
Писцов – кандидат
исторических наук.

Рельеф эпохи Хань (202–220).

Рельеф из империи Северная Вэй (386–534).

Фреска эпохи Тан (618–906).

Изображение эпохи Юань (1280–1368).

Драконы разных эпох. Эволюция иконографии китайского дракона за период около 14 столетий. Прорисовки выполнены Л.П. Сычёвым по произведениям китайского искусства.

численных рельефах, гравюрах и вышивках. Конечно, гравёр или любой другой мастер мог воплощать собственное индивидуальное видение или, наоборот, создавать обобщённый образ дракона. Проблема усложняется и благодаря необозримому множеству разновидностей драконов, представленных в китайской классической литературе, из-за чего трудно бывает понять, пытался ли художник изобразить какую-то конкретную разновидность дракона или давал волю фантазии, синтезируя черты, почерпнутые из разных источников. Но дело не только в этом: сама традиция изображения дракона на протяжении веков претерпевала серьёзную трансформацию.

Особенно показательны в этом отношении прорисовки из книги В.Л. Сычёва и Л.П. Сычёва «Китайский костюм». Сопоставляя их, трудно поверить, что они изображают одно и то же существо. Вероятно, вопрос о стандартном внешнем виде дракона, характерном для той или иной эпохи, ещё не решён окончательно. Определённую роль могут играть материал и техника, в которой выполнено изображение, его назначение, но уже сейчас особенности стилистики изображения дракона учитываются при датировке памятников китайского искусства. В частности, у драконов с наиболее древних изображений на каждой лапе по три пальца, в эпохи Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) исследователь имеет дело почти исключительно с четырёхпальными и пятипальными драконами.

Не менее любопытна история, происшедшая с фантастическим животным *цилинь*. Этот единорог – предвестник и символ мира и совершенномудрого правления – в произведениях китайского искусства периодов Мин и Цин часто изображается двурогим, причём его голова с усами и густой гривой очень напоминает голову дракона. Такая подмена имеет место в самых разных областях искусства – от монументальной скульптуры до лубка. Относительно причин подобной трансформации можно строить различные гипотезы. Скорее всего, сказалось влияние образа дракона. Но возможно, изменения были внесены для того, чтобы проще было отличить *цилиня* от другого единорога *сечжсяя*, изображение которого тоже часто встречается в произведениях позднего китайского искусства (оба зверя, в частности, входили в систему ранговых изображений на чиновничьих халатах в эпохи Мин и Цин). Следует отметить, что изображение *цилиня* с одним рогом встречается также в позднем китайском искусстве.

Преломление образов животных в китайском искусстве – тема практически безбрежная. Едва ли возможно в полной мере осветить её в рамках небольшой статьи. Мы хотели бы обратить внимание читателей на одну – очень узкую, но весьма существенную область китайского прикладного искусства: речь идёт о декоре официального костюма эпох Мин и Цин.

Изображения животных – реальных и фантастических (причём грань между реальностью и фантастикой могла быть довольно зыбкой) – играли огромную роль в оформлении китайского официального костюма. Широко известно, что дра-

коны украшали одеяние императора. Изображения зверей и птиц, вышитые на груди и спине чиновничьих халатов в эпохи Мин и Цин, служили для обозначения ранга носителя. Такие изображения вышивались либо прямо на халате, либо на специальных квадратных нашивках, которые затем пришивали на халат¹. За этими ранговыми нашивками/вышивками квадратной или близкой к квадрату формы в отечественной литературе закрепился термин *буфан*, имеющий китайское происхождение, но в широкий научный оборот введённый В.Л. Сычёвым. В тех же редких случаях, когда говорится о круглых нашивках (либо круглом тканом узоре) на одежде, будет использован китайский термин *туань*.

Система буфанов в качестве знаков различия на повседневной форменной одежде чиновников была установлена первым минским императором Тай-цзу в 24-й год Хун-у (1391). На одеянии гражданских и военных чиновников изображались, соответственно, птицы и животные. У гражданских чиновников 1-му рангу соответствовал журавль, 2-му – золотистый фазан, 3-му – павлин, 4-му – дикий гусь, 5-му – серебристый фазан, 6-му – белая цапля, 7-му – мандаринская утка, 8-му – жёлтая иволга, 9-му – перепёлка. Ранги военных чиновников обозначали изображения животных: 1-й и 2-й ранги – лев; 3-й и 4-й – тигр или леопард; 5-й ранг – медведь; 6-й и 7-й – тигрёнок; 8-й ранг – носорог; 9-й – морская лошадь.

Обладатели аристократических титулов носили на одежде изображения *цилиня*. Цензорам (цензорат в минское время являлся одним из высших судебных органов и был наделён многообразными функциями. Помимо прочего, цензоры контролировали деятельность чиновников, следили за соблюдением законов и отправлением правосудия) полагалась нашивка с изображением фантастического единорога *сечжайя*. Этот однорогий баран с зелёной шерстью упоминается в древнекитайских текстах. Встречая двух дерущихся или спорящих людей, он обязательно бодал неправого. Согласно другой версии, однорогий *сечжай* похож на медведя. Судя по цензорским буфанам, их создатели вдохновлялись скорее этим описанием: изображённое существо несколько не напоминает барана, а сходство с медведем в ряде случаев усмотреть можно. Впрочем, иконография медведя в китайском искусстве столь специфична, что

Сечжай – изображение на буфане цензора. Эпоха Цин.

Носорог – изображение на буфане цинских чиновников 7-го и 8-го рангов.

Медведь – изображение на буфане цинского чиновника 5-го ранга.

Лев – изображение на буфане цинского чиновника 2-го ранга.

Изображения животных служили для обозначения ранга носителя. Прорисовки выполнены Л.П. Сычёвым по произведениям китайского искусства.

трудно однозначно констатировать – идёт ли речь о заимствовании или имеет место случайное сходство двух диковинных зверей. Единственный рог на голове стал главным отличительным признаком *сечжайя*, который в качестве символа правосудия как нельзя лучше подходил на роль эмблемы цензорской службы.

Связь других животных и птиц с обозначаемыми ими рангами не столь очевидна, исследователи отмечают только, что птицы символизировали утончённость гражданских чиновников, а звери – силу и храбрость военных. Изобразительные материалы свидетельствуют, что на минских буфанах птицы изображались

¹ См. об этом: Писцов К. Костюм и политика в империи Мин. «Восточная коллекция», №1/2005.

Нашивка военного чиновника 3-го ранга – леопард (эпоха Цин).

Нашивка гражданского чиновника 2-го ранга – золотистый фазан (эпоха Цин).

парами, в то время как животные – по одному. Изложенная относительно чёткая система знаков на практике выглядела менее стройно. Отчасти такая ситуация объяснялась изменениями или дополнениями, которые время от времени вносили в неё сами императоры. Так, ещё в середине XV в. небольшой группе высокопоставленных военных разрешили носить халаты

с изображением *цилиндя*. Но основной причиной подобного положения вещей были многочисленные случаи нарушения субординации чиновниками, особенно участвовавшие к концу эпохи Мин. Военные чиновники, например, вне зависимости от ранга предпочитали носить буфаны со львом, а иногда самовольно присваивали даже аристократического *цилиндя*.

Нашивка гражданского чиновника 1-го ранга – журавль (эпоха Цин).

Нашивка гражданского чиновника 3-го ранга – павлин (эпоха Цин).

Нашивка военного чиновника 4-го ранга – тигр (эпоха Цин).

Маньчжурская династия, воцарившаяся в Китае, утвердила новый официальный костюм, но сохранила минскую систему буфанов, внося в неё лишь отдельные изменения. Иерархия птиц на халатах гражданских чиновников выглядела теперь следующим образом: 1-й ранг – журавль, 2-й – золотистый фазан, 3-й – павлин, 4-й – дикий гусь, 5-й – серебристый фазан, 6-й – цапля,

7-й – мандаринская утка, 8-й – перепёлка, 9-й – райская мухоловка. Знаки различия военных чиновников подверглись большей переработке: 1-й ранг отныне символизировал *цзинь*, 2-й – лев, 3-й – леопард, 4-й – тигр, 5-й – медведь, 6-й – тигрёнок, 7-й и 8-й ранги – носорог, 9-й ранг – морская лошадь.

В таком виде буфаны сохранились до 1911 г., то есть непрерывно существовали

Нашивка гражданского чиновника 7-го ранга – (эпоха Мин).

Польный тигр – изображение на платье минской императрицы Сяо-цзин.

более 500 лет. За это время, конечно, претерпевала изменения не только система – менялся внешний вид самих буфанов. Наиболее значительны различия между минскими и цинскими буфанами. Так, в эпоху Цин на нашивках гражданских чиновников стали изображать одну птицу, непременно элементом композиции всех буфанов стало изображение солнца, которое в минский период появлялось лишь в порядке исключения. Но и в рамках цинского периода декор буфанов претерпевал дальнейшие, хотя и менее радикальные изменения. Варьировалось местоположение солнца, менялось соотношение главной фигуры и общей площади буфана, появился украшенный орнаментом бордюр по краю буфана, эволюционировала манера изображения тех или иных деталей, неудержимо возрастало количество второстепенных символов. Наконец, в самом конце эпохи Цин, во время кратковременных буржуазных реформ была сделана попытка предельно упростить внешний вид буфанов. Все эти малозначительные, на первый взгляд, детали на практике позволяют выяснить время создания экземпляров ранговых нашивок из музейных коллекций. В.Л. Сычёв разработал целую систему датировки цинских знаков различия на основании стилистических особенностей основной фигуры и других элементов изображения.

Впрочем, изображение на буфанах, дающее ключ к датировке, в других условиях само может оказаться настоящим ребусом. Несмотря на высокий художественный уровень исполнения, характерный для буфанов, они имели всё же вполне утилитарную функцию – обозначали ранг владельца. Вероятно, это и явилось одной из причин метаморфозы: с течением времени изображения на буфанах становились всё более и более условными. Часть характерных признаков исчезла, другие

черты, наоборот, подчёркивались настолько, что птица переставала походить на реальную и превращалась в знак.

Схожая ситуация наблюдалась и в средневековой европейской геральдике, где животные, украшавшие рыцарские щиты, имели порой очень мало общего со своими зоологическими прообразами. Но на Западе эти обобщённые и часто весьма условные фигуры создавались в соответствии с определёнными, чётко оговорёнными правилами и без труда распознавались. На китайских же буфанах стилизация происходила скорее спонтанно, поэтому идентифицировать изображённую на буфанах птицу не так просто.

Стилизация зверей и птиц шла принципиально разными путями. Если в случае с птицами этот процесс сводился к схематизации изображения, то в изображениях животных привносились черты, не свойственные их реальным прототипам. Отчасти это объяснялось тем, что в числе ранговых животных присутствовали заведомо фантастические существа: морская лошадь, *цилин*, *сечжай*. Лев и носорог, хотя и существовали в природе, но на территории Китая не водились и воспринимались китайскими мастерами как полуфантастические.

Недоумение может вызвать упоминаемый иногда в описании минских буфанов «польный тигр». Дело в том, что некоторые буфаны не имели иерархического значения, а их использование носило сезонный характер. Буфаны с «польным тигром», например, носили женщины и евнухи в минских дворцах на протяжении пятого лунного месяца. Считалось, что в этот период наступления летней жары ядовитые твари (паук, жаба, многоножка, ящерица и змея) становятся особенно опасными для человека. Для отпугивания этих тварей у ворот вывешивали связки тростника и фигурки тигров, сплетённые из полыни. Тигра изображали и на одежде,

особенно на детской, иногда вокруг него помещали фигуры разгоняемых им гадов-ядоносов. Таким образом, «полынный тигр» с минских буфанов тоже служил оберегом для своих носителей, а определение «полынный» указывает на его функциональное назначение.

Вскрыв в 1958 г. гробницу Дин-лин минского императора Шэнь-цзуна (1573–1615), археологи обнаружили множество ценнейших памятников материальной культуры. Например, было найдено платье, принадлежавшее, по всей видимости, императрице Сяо-цзин. На нём были буфаны с вышитыми тиграми, окружёнными пятью ядоносцами. Исследователи пришли к вполне закономерному выводу, что это «полынный тигр», а, следовательно, платье предназначалось для ношения в пятом месяце.

Подобное назначение имели буфаны с изображением лунного зайца, только их ношение было приурочено к празднику Середины осени. Будучи по существу праздником урожая, праздник Середины осени по форме являлся «лунным» праздником, кульминация которого приходилась на полнолуние 15 числа 8 луны, а главное содержание составляли любование луной и поклонение ночному светилу (последнее относилось лишь к женщинам). Заяц же

принадлежит (наряду с богиней Чан-Э и трёхлапой жабой) к числу образов, тесно связанных в китайской мифологии с представлениями о луне. Считалось, что белый заяц живёт на луне, где без усталости толчёт в ступке снадобье бессмертия. В отличие от «полынного тигра», лунный заяц не играл роли амулета, но являлся одним из устойчивых символов праздника Середины осени. Керамическую фигурку лунного зайца в costume военачальника или чиновника могли ставить на алтарь, перед которым женщины совершали поклонение луне, его изображение в числе прочих символов помещали на круглом печенье, называемом *юэбин*, – обрядовой еде этого праздника.

В эпоху Мин заслуженным сановникам или фаворитам императора жаловались роскошно декорированные халаты, которые они могли надевать в торжественных случаях. Характер изображений на этих одеяниях строго регламентировался: чиновникам первого ранга полагался дракон *ман*, чиновникам второго – летучая рыба *фэй юй*, чиновники третьего ранга получали одежду с фантастическим животным *доу ню*.

С драконом всё более-менее понятно. Дракон в Китае являлся одним из символов императорской власти. В эпоху Мин и позднее за императором и членами его семьи

Изображения зайцев на платье минской императрицы Сяо-цзин.

Чиновник в халате с драконом (эпоха Мин).

было «зарезервировано» изображение дракона *лун* с пятью пальцами-когтями на каждой лапе. Они украшали облачение императора, одежду и предметы обихода императорской семьи. Подданные не могли использовать изображение дракона *лун*. Поэтому на жалованных халатах высших сановников изображался дракон *ман*. Он отличался от своего «старшего брата» только количеством когтей – по четыре на каждой лапе. Обычно в верхней части халата изображались два огромных дракона *ман*: голова и передние лапы одного из них покоились на груди халата, а задняя половина тела и хвост перешли на спину; голова второго дракона размещалась на спине, а хвост спускался на грудь. Часто к ним добавлялось ещё по небольшому дракону на каждом рукаве, а по подолу халата спереди и сзади проходила полоса с парой вытянувшихся навстречу друг другу драконов.

Куда сложнее обстоит дело с летучей рыбой (это дословный перевод китайского термина *фэй юй*). А.П. Терентьев-Катанский в своей работе «Иллюстрации к китайскому бестиарию» даёт описание *фэй юй* из «Книги гор и морей», где сказано, что эти рыбы «похожи на карасей», а затем ссылается на иллюстрации в китайских ксилографах, на которых *фэй юй* в одном случае представлена со свиной головой и крыльями, а в другом – со свиным пяточком и усами. Исследователь истории китайского костюма Чжоу Сибяо склонен отождествлять минскую летучую рыбу с другим существом из «Книги гор и морей» –

рыбой-драконом (*лун юй*), на том основании, что последняя также умела летать. Причина подобной аналогии кроется, вероятно, в иконографии *фэй юй*, представленной на сохранившихся экземплярах минских халатов: летучая рыба мало чем отличается от дракона. Анализируя имевшийся в его распоряжении материал, Чжоу Сибяо выделил следующие отличия *фэй юй* от дракона: более короткое тело, наличие плавников, в том числе плавник на кончике хвоста, в то время как хвост у дракона уснащён шипами, наконец, отсутствие возле головы летучей рыбы «пыляющей жемчужины» – неизменного атрибута дракона. Но обыкновенный человек, глядя на такое изображение, едва ли сможет «почувствовать разницу».

В «Мин ши» («История династии Мин») приводится любопытный эпизод. В 16-й год Цзя-цзин (1537) *шан шу* (министр) военного ведомства Чжан Цзань явился на торжественную аудиенцию, облачившись в халат с изображением дракона *ман*. Император гневно заметил одному из приближённых: «*Шан шу* – должному второго ранга. Почему же он надел халат с *маном*?!» Пытаясь замять назревающий скандал, императору сказали, что это, дескать, всего лишь ранее высочайше пожалованное Чжан Цзаню одеяние с летучей рыбой, которая похожа на дракона. Однако монарх явно не желал, чтобы его столь примитивно обманывали: «Почему летучая рыба изображена с двумя рогами? Это строго запрещено!» – резко парировал он. (Заметим, что проявленное императором Ши-цзуном (1521–1566) мелочное внимание к нарушению субординации едва ли можно считать специфически китайской чертой. Достаточно вспомнить, как болезненно воспринимали российские императоры – от Петра I до Александра II – отклонения от предписанных образцов костюма, особенно, если дело касалось форменной одежды).

С образом летучей рыбы имеет много общего образ *доу ню*. Проанализировав ряд описаний *доу ню* и сравнив их с изображениями этого существа в прикладном искусстве, Чжоу Сибяо пришёл к выводу, что *доу ню* не только не имеет никакого внешнего сходства с реальной короной, но и вообще не обладает устоявшейся иконографией. Что же касается изображений на минских халатах, то с *доу ню* исследователи отождествляют изображение дракона с загнутыми вниз рогами. В любом случае можно сказать, что летучая рыба и *доу ню* принадлежали к одной общности

младших драконов, что могло породить и некоторую иконографическую близость.

Изображения животных на предметах китайского костюма таят ещё немало загадок. Ограничимся лишь двумя примерами, первый из которых связан с уже упоминавшейся гробницей Дин-лин. Археологи извлекли из саркофага императора Шэнь-цзуна халат, украшенный восемью *туанями* с изображением странных существ. У них драконьи головы, но тело толще и короче, чем у дракона, а за передними лапами расположены широкие перепончатые крылья. Не найдя аналогий этому образу в минском искусстве, учёные предположили, что перед ними летучий дракон *фэй лун*, упоминаемый

Драконообразное существо с крыльями – прорисовка с императорского халата из гробницы Дин-лин.

Дракон – прорисовка с императорского халата из гробницы Дин-лин.

в легендах. Конечно, предварительная идентификация едва ли даёт ответ на вопрос о том, кто же изображён на нашивках и какова история появления этого образа на императорском халате. Учитывая сходство в трактовке плавников летучей рыбы и крыльев этого «летучего дракона», а также тот факт, что плавники и крылья могут обозначаться в китайском языке одним и тем же иероглифом, допустимо предположить, что это вариация образа летучей рыбы. Поскольку заказ предназначался для императора, число пальцев «рыбы» увеличено до пяти, на голове два рога, добавлена пылающая жемчужина, плавники превратились в крылья.

Дракон с императорского халата из гробницы Дин-лин.

Портрет чиновника из коллекции ГМВ.
Фрагмент портрета чиновника.

Но, возможно, перед нами просто ещё одно свидетельство деградации символики минского костюма – появление образа, сочетающего в себе черты драконов различных типов.

Второй пример - из китайской коллекции Музея Востока в Москве, где хранится портрет чиновника XVI в., облачённого в типичный костюм эпохи Мин. Буфан мог бы точнее указать на место своего владельца в чиновничьей иерархии Поднебесной, но изображение в этом месте сильно повреждено. Тем не менее даже сохранившиеся фрагменты достаточно, чтобы повергнуть в недоумение исследователя китайского костюма. В верхней части буфана отчётливо видны перья и часть крыла, в нижней – мощная когтистая лапа и фрагмент зелёного туловища. То есть на буфане были одновременно изображены знаки принадлежно-

сти к гражданской и военной службе. Такая ситуация не предусматривалась законом, и даже противоречит логике: если бы чиновник совмещал гражданскую должность с военным постом, он предпочёл бы изобразить на груди халата птиц, поскольку гражданская служба традиционно считалась более почётной. Остаётся только гадать о причине странного сочетания: то ли это ошибка художника, то ли нарушение субординации чиновником.

На пути исследователя китайской фантастической фауны таится немало проблем. Это и наличие животных, существующих только в произведениях искусства, и крайняя стилизация образов реальных зверей и птиц или обретение ими фантастических черт. В такой ситуации только сопоставление данных письменных источников с памятниками материальной культуры, произведениями искусства и данными этнографии способно дать целостную картину. А значение таких исследований очевидно: помимо того, что мы больше узнаём о материальной культуре и духовном мире людей прошлого, особенности стилистики и другие детали изображений могут служить ключом к атрибуции и датировке произведений искусства.

Сычёв В.Л., Сычёв Л.П. Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М., 1975. РГБ: Б 76-14/7;8; МК.

Терентьев-Катанский А.П. Иллюстрации к китайскому бестиарию. СПб., 2004.

Цветы сливы в золотой вазе или Цзин, Пин, Мэй: В 2 т. /Пер. с кит. В. Манухин. М., 1986. РГБ: 10 86-13/226;227;228.

Дин-лин (Гробница Дин-лин), Пекин, 1990.

Чжоу Сибао. Чжунго гудай фуши ши (История древнекитайского костюма). Пекин, 1986.

Чжоу Сюнь, Гао Чуньмин. Чжунго фуши уянь нянь (5000 лет китайского костюма). Гонконг, 1985. РГБ: 3В 2-72/9